

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО – ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

П.С. Лемещенко

Осознанное включение институтов в научную теорию заставит представителей общественных наук, в частности экономической науки, критически взглянуть на поведенческие модели, лежащие в основе этих дисциплин, чтобы затем более систематически, чем это делалось до сих пор, изучить влияние несовершенной и затратной переработки информации на поведение актеров.

Норт Д.

Вместо введения.

Вряд ли можно считать "золотым веком" последнее десятилетие для белорусской экономики и науки. И та и другая переживают свое "средневековье" со всеми многочисленными сложностями и проявлениями. К проблемам, существующим в экономической теории и хозяйственной практике, внимание автором обращалось еще ранее [1]. Однако сейчас стало особенно очевидно, что выходу из системного кризиса [2] предшествует выход из теоретического тупика или, говоря иначе, интеллектуального заблуждения. И здесь, пожалуй, нет никакой альтернативы, поскольку ни ныне правящая власть, ни ее оппоненты не имеют сколько-нибудь убедительной социально-экономической теории стратегического развития страны. Сделать это далеко не просто даже в силу того обстоятельства, что необходимо ориентир стратегии этой политики описать со всеми соответствующими эффективными инструментами ее реализации, контролем и корректировкой. Если же учесть, что векторы интересов людей власти и института государства в лучшем случае могут находиться в одном направлении, никогда не совпадая, то вполне очевидным становится необходимость не только позитивного экономического анализа и нормативных оценок, чем всегда занималась традиционная экономическая теория, но и важность теоретического описания взаимодействия различных реально действующих институтов. Последние же всегда составляют стержень, т. е. "несущую конструкцию" любого общественного образования. "То, как работает экономика, — пишет Д. Норт, — определяется смесью формальных правил, неформальных норм и механизмов, которые их закрепляют. И если правила можно изменить за одну ночь, то неформальные нормы обычно меняются лишь постепенно. Но именно нормы придают «легитимность» системе правил и потому революционные перемены никогда не бывают столь революционными, как того хотели бы их сторонники" [3, с. 7—8.]. Поэтому как совершенствование, так и изменение, т. е. "перестройка", социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к институциональному устройству. Однако приходится констатировать, что наши "системные трансформации" со всеми в

общих чертах описанными неблагоприятными результатами закладывались и осуществлялись вот уже более чем десяток лет под сопровождение неоклассической экономической теории. А она, как известно, занимает, хотя и шаткое, но пока еще положение *mainstreama economics*, чей авторитет заметно ослабевает не только под влиянием логической критики этого направления теории, но и в силу серьезного ухудшения общей экономической ситуации в мире. И дело здесь не только и не столько в оценке общепринятых экономических показателей, воссоздающих общую картину экономического мира в понятных категориях теории, к которым обращаются в разных интерпретациях экономисты, политики и практики. Неустойчивость и нестабильность социально-экономического развития, неопределенность будущего, обусловленная многочисленными глобальными проблемами, предопределили освоение уже новых, еще непривычных с точки зрения мейнстрима экономической теории областей и сфер хозяйственной деятельности. Естественно, исследование этих новых "полей" и объектов осуществляется не совсем традиционными подходами, методами и инструментами, что сопровождается вполне объяснимыми для всякого нового начала острыми дискуссиями и трудностями анализа, доведением итогов исследований до широкой аудитории. Экономисты мейнстрима последних двадцати лет с удивительной настойчивостью пытаются объяснить или описать достаточно сложный и динамичный мир с помощью денег, вместо того чтобы, например, как физики, обнаружившие новые явления, сказать, что эти новые факты не объясняются с помощью существующей теории физики.

Экспансия *mainstreama economics* широко проявилась в содержании учебных планов вузов, а также в тех учебниках и учебных пособиях, которые массово издаются в течение последних десяти лет, но мало чем отличаются друг от друга. Неоклассический подход с его традиционными разделами, такими как микро-, макро- и мировая экономика в разных далеко не лучших авторских вариациях, дополненных иногда вырванным из контекста местным материалом, присутствует буквально во всех книгах по экономической теории. Примечательно и то, что в западных учебниках по экономической теории также стремятся обходить стороной многие острые проблемы и конфликты, имеющие место как в современной реальной жизни, так и присущие неоклассической теории. Например, без внимания остались аксиомы построения теории и моделей, тезисы о предпочтениях, проблемы экономического развития, дискуссионные вопросы всеобщего равновесия Вальраса-Эрроу-Дебре, институциональные условия применимости различных теоретических конструкций и моделей. "Ограничив предмет экономической теории, — пишет М. Блауг, — неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей... Неизбежный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире" [4, с. 650].

Начала теории институтов

В области знания природа также не терпит пустоты. В начале XX в. американцы Т. Веблен, У. Митчелл и Дж. Коммонс дают начало новому направлению в политической экономии — институционализму. Термин "институт", "институция" в переводе с латинского ("institution") означает устойчивые традиции или закрепленные обычаи, порядки в виде установленных правил, общественных норм или законов. Впервые вводит в научный оборот это понятие У. Гамильтон, рассматривающий институт как своего рода стержень общественной системы. "Институты, — по определению У. Гамильтона, — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они обозначают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную связь институтов" [5, с. 84—89]. Представители институционализма кроме критики ортодоксальной теории и существующего общественно-экономического устройства пытаются создать иную, лучшую экономическую теорию, преодолевающую недостатки высокой абстракции, узкой функциональной сферы анализа, игнорирование негативных фактов действительности и фрагментарность. Они также обратили внимание на малоактивность "модной" в то время теории, ориентирующуюся лишь на созерцательность и пассивность восприятия. Речь в данном случае идет о позитивной части экономической теории. На сей счет чуть позже обратит внимание В. Ойкен: "...Если научное мышление уклоняется от решения задачи политики порядков, то оказывается, что другой силы, способной решить эту задачу, нет. Это означает передачу нас в руки анархических политических и экономических властных группировок, их функционеров и идеологий" [6, с. 435].

В Европе первая брешь в позитивном традиционализме, основанном английской политической экономией, была пробита известным социологом и экономистом М. Вебером, который на большом фактическом материале подтвердил влияние на экономические результаты страны духа нации в целом и религиозного в частности. С. Н. Булгаков и В. Зомбарт пытаются описать социально-экономическую систему в зависимости не только от религиозных, но и психологических, этических, других исторических и социокультурных факторов. Можно также отметить К. Маркса, который целостно представил мир экономики, политики и всего духовно-социального через призму производственных отношений, в котором отношение стоимости и капитала выступали системообразующими для капиталистического способа производства [7]. Однако это исследование было выполнено в классических политико-экономических традициях, а не чисто экономических со всеми вытекающими отсюда целями, методологией, результатами и их конкретными пользователями. Маркс попытался через систему господствующих стоимостных отношений, соединив логическое и историческое, заглянуть за пределы к тому времени уже сформировавшегося института рынка. Последний оказался далеко не безупречным по многим параметрам уже на тот период, что в последующем нашло отражение и подтверждение в работах экономистов-теоретиков через понятия "экстерналии",

"сбои рынка" и тому подобное. Но хотелось бы отметить, что "чистые экономисты" многие институты воспринимали как нечто раз и навсегда установленное, без учета самого процесса их формирования, влияния на весь блок экономических отношений и обратную связь экономики с общественно-политическими и морально-этическими традициями и нормами поведения. Институты являются как условием, так и результатом экономического и общественного развития в целом. И хотя никто не отрицает их цементирующей роли в социальном прогрессе, других значимых и важных функций, выполняемых ими, все же в экономической теории представление обо всем этом воспринималось аксиоматически, как нечто само собой разумеющееся. В том числе и по этой причине в область экономического анализа институциональные факторы не попадали.

С возникновением работ по институционализму ситуация хоть несколько и улучшилась в направлении более полного описания экономической и социальной картины мира, все же мир экономики воспроизводился оторвано от других своих составляющих под функциональным углом зрения. К началу XX в. рынок как институт со всеми своими составляющими уже сложился, чтобы попасть в поле зрения экономистов-исследователей. Их все больше интересовали вопросы рационального использования ограниченных ресурсов. Вполне понятными казались институты собственности, государства, религии, семьи и другие, которые являются составляющими любой социально-экономической системы.

Дискуссионный диалог экономической науки: традиции и новые теории

При определении экономики как науки, а это необходимо делать в любой научной сфере, пришлось осознанно или нет, но все же пойти на ограничение экономического поля от всего того, что прямо к экономике не относится, хотя является первым условием, началом формирования практической деятельности. Широкий спектр институциональных образований всегда выступает конечным итогом и следствием экономического развития, закрепляющим этот процесс. Однако это невидимое ограничение, принимаемое классико-неокейнсианскими течениями а priori без каких-либо оговорок и доказательств, дополняется такой методологической установкой, как рациональность и свобода выбора индивидуума. Но здесь также не все так просто, как представляется. И поэтому серьезная критика этих и других методологических установок ведется достаточно давно и интенсивно [8]. "Свобода выбора и рациональность индивида" не есть некие раз и навсегда заданные характеристики, полученные от божественного начала. Они являются следствием действующих в обществе определенных норм и правил, традиций и обычаев, а также всего того, что называется институтами. Это не какие-то экзогенные, а вполне ярко выраженные эндогенные факторы, имеющие, кроме функциональных, причинно-следственные взаимосвязи. И абстрактный "индивид", "хозяйствующий субъект", "экономический агент", "потребитель" и "производитель" не могут находиться в вакууме, а являются живым воплощением, преемниками институциональной среды. Она, эта среда, задает параметры и рациональности, и свободы выбора.

Кроме всего прочего, говоря о рациональности и оптимуме, к которому якобы стремится индивидуум в теории функционального анализа, огромное

значение играет полнота и своевременность информации о происходящих как внутренних, так и внешних процессах [8]. Абстрагируясь от этого, любой аналитик, проводя самые тщательные исследования, все равно получит картину или модель, может и привлекательную, но далекую от реальной действительности. Для принятия рационального решения в таком случае эта модель будет явно непригодной.

Можно также гипотетически предположить, что рынок обеспечивает в любом случае равновесие на всех уровнях социально-экономической системы. Но реальная процедура достижения этого равновесия, где критерий рациональности зависит от частного лица, располагающего определенным уровнем подготовки, квалификации и т. п., весьма не проста, длительна по времени и отличается обращением к сложившейся институциональной инфраструктуре. Практика показала, а Кейнс теоретически доказал, что так называемое рыночное равновесие на макроэкономическом уровне не обеспечивает наиболее рационального использования ограниченных ресурсов. Поэтому нужна "помощь" или корректировка рынку со стороны внешних сил. Пока эта корректировка понимается достаточно упрощенно, когда более или менее определена взаимосвязь двух институтов — рынка и государства. Однако система взаимодействия экономических и других институтов богаче и плодотворней. Потенциально институциональное регулирование всех элементов социально-экономической системы несет в себе еще во многом неизведанные, но более широкие возможности для достижения равновесия, развития и роста, нежели исчерпавшее себя во многом государственное регулирование. Причем надо иметь в виду, что понятие "равновесие" также получило несколько интерпретаций: по Вальрасу, Парето, Нэшу, Алле, Курно, Бертрану, Штакельбергу. Это еще раз указывает на сложность экономической системы и на необходимость нескольких подходов к ней для полноты и глубины выяснения всех зависимостей.

Методологические постулаты о предельной полезности, лежащей в основе обменных отношений, и отсутствии издержек при осуществлении этих обменных операций сегодня также неоднократно подвержены тесту на истину. В результате был сделан вывод о том, что и предельная полезность, и отсутствие транзакционных издержек есть не что иное как гипотетическое допущение. Более того, если ранее вообще мало кто говорил о транзакционных издержках, то ныне уже даже гипотеза о нулевых транзакционных издержках не воспринимается как позитивная, ориентирующая на плодотворный анализ [9, с. 96]. Это означает, что среда научного экономического знания предпосылку о ненулевых транзакционных издержках воспринимает как прединституциональную основу. В завершённом виде теории эти процессы формирования, становления какой-то школы или направления незаметны и мало исследованы. Здесь также наблюдается изменение парадигмы и в той части экономической науки, в которой преобладает функциональный подход, но которая нуждается, если использовать общепринятые понятные и известные термины, в едином политико-экономическом основании.

Предмет и рамки институциональной теории

Объект анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки "ресурсы-результаты" с естественным расширительным подходом и к понятию эффективность. Индуктивно-описательный метод уже не утопает в многочисленных фактах, чем "грешила" в свое время историческая школа. Синтез наук позволяет привлечь абстрактно-логические методы, благодаря чему и выводы от частного к общему интерпретируют по-новому в непривычном ракурсе и экономическую историю [10]. История — это не только следствие экономического развития, но и предпосылка роста. Таким образом, эмпирические наблюдения фиксируют формирование новых институциональных изменений, выявление которых уже предполагает фактические обобщения. Принцип целостности рассмотрения социально-экономической системы диктует обращение исследователя к опыту теории других наук, т. е. к междисциплинарному анализу. Здесь особое влияние приобретают социология, психология, история, политология. Становится возможным перейти от "литературности" (М. Алле) экономических исследований к формализованным методам доказательности. Особо эффективными на сегодняшний день становятся теория игр и статистические методы. Институциональные изменения требуют обращения к качественным методам наблюдения, анализируя уже не результат изменений (например, показатели эффективности и роста), а сам процесс со всеми этапами, формами превращений, доводя их до исходных. Согласно теории институционализма индивидуум, хозяйствующий субъект, делающий выбор, находится не в вакууме, а в определенной социокультурной среде. Поэтому и институты не являются какими-то внешними экзогенными факторами, а вполне реальными эндогенными параметрами, влияющими на многие решения и действия хозяйствующего агента. Таким образом, происходит закрепление экономических и правовых норм, которые изменяются в процессе реформ.

Много нового в теорию экономики вносит разработка информационного поля, без которого в принципе невозможна эффективная хозяйственная деятельность. Сама информация уже становится самостоятельным особым ресурсом со своими проблемами правовой защиты, передачи прав собственности, принципами ценообразования, критериями эффективного использования. В индустриально-развитых государствах сформировался информационный сектор экономики, в котором уже не "действует" закон убывающей доходности и выработанные неоклассическим направлением критерии оптимизации размеров фирмы, где используются известные предельные величины доходов и издержек.

Институциональная программа исследований обращается также и к кумулятивному началу общества как целого, так и различных его частей. Когда-то только Маркс через революционное разрешение противоречия производительных сил и производственных отношений да Шумпетер через "созидательное разрушение", инициированное капиталистом-новатором не благодаря, а вопреки стремлению к прибыли, пытались объяснить истоки и направления развития экономики, общества в целом. Можно отвергнуть их взгляды, но невозможно отвлечься от самой проблемы, которая переросла в разряд глобальных проблем развития человечества. Заложенный эволюционный подход в теории

институциональной экономики также имеет на сегодняшний день некоторые положительные решения на поставленные глобальные вопросы.

Структура институциональной теории

С учетом вышесказанного сегодня общая схема различных направлений институционального анализа выглядит следующим образом. Без преувеличения можно в качестве основания "дерева" институционально-социологических направлений зафиксировать классическую политэкономия. Благодаря критике и развитию ее положений возникла целая "сеть" отдельных теорий, анализирующих те или иные аспекты институциональных явлений. Каждая из этих теорий испытывает "теоретическое влияние" других смежных или альтернативных творческих конструкций. Для краткого пояснения отметим лишь некоторые направления современного институционально-социологического анализа.

Хотя долгое время "старый", т. е. традиционный, институционализм в силу ряда обстоятельств и не проявлял себя достаточно активно, все же он не растворился ни в одном из представленных на схеме 1 теорий институционализма. Более того, его исследовательская программа к своему 100-летию приобрела более ясные и прочные в научном отношении очертания. Осуществляется она через внутренне присущие этому направлению науки установки, методологические подходы и категории, содержание которых было заложено еще Т. Вебленом. Институты по-прежнему здесь выступают главной единицей анализа, а принцип холизма позволяет характеристики индивидуумов выводить из характеристик институтов, а не наоборот. Сами же институты описываются не только выполняемыми функциями, но и складывающейся в

конкретно-исторических условиях системой производственных отношений.

Институциональная сложная и многоуровневая среда формирует определенный тип поведения граждан. Эта же среда, по мнению "старых" институционалистов, выступает главной детерминантой стабилизационной эволюции. Таким образом, спонтанность развития, имеющая место в истории, также накапливает свое кумулятивное начало в общественных традициях, нравах, действующих организациях и учреждениях, т. е. всего того, что называется институтами. Подход к развитию, его истокам, направлению, формам и самому процессу развития позволяет все-таки "вынести" Маркса за скобки институционального течения экономической науки, в отличие от имеющих в литературе других трактовок. А. Олейник, например, Маркса ставит в один ряд с Вебленом, Поланьи, Гэлбрейтом только на том основании, что все вышеназванные авторы видят зависимость индивидов от внешней среды [11, с. 52]. Однако по этому поводу следует заметить, что Маркс использует в объяснении социально-экономического развития диалектический метод, позволяющий соединить в себе через понятия производительных сил и производственных отношений, не только источник развития, но и его эволюционно-революционную направленность. Обращением к общим и специфическим законам Маркс сводит разнообразие институтов к их постоянству в пространстве и изменчивости во времени. Институциональное разнообразие экономических систем многих государств следует понимать как естественноисторический процесс эволюции и специфического проявления этих общих экономических законов.

Общая характеристика основных течений институционализма

Традиционный, "старый", институционализм в зависимости от подходов и объектов своего анализа имеет четыре разновидности, или направления, получившие хрестоматийное признание: психобиологическое (Веблен), социально-правовое (Коммонс), эмпирическое (Митчелл), социологическое (Гэлбрейт). При всей непростой творческой судьбе в части признания и влияния этого научного спектра теории, в целом можно оценить ее как удачную. Критикуя позиции неоклассиков и их модели, институционалисты осваивают новые "мертвые зоны" реальной хозяйственной практики, которые не попадали в привычное русло экономического анализа. Новая информация, таким образом, требовала к себе внимания как стороны политиков, законодателей, практиков, так и со стороны широкой общественности.

Внимание неоклассиков к острым проблемам хозяйственного бытия, с одной стороны, и признание абстрактности "изящных" по форме постулатов теории, с другой, приводит к возникновению нового институционализма (new institutional economics) и неинституционализма (neoinstitutional economics). При всей своей однозвучности эти два направления существенно отличаются друг от друга парадигмальной основой и отношением к ее "жесткому ядру" и "защитной оболочке", которые выделяет известный эпистемолог И. Лакатос, обращаясь к проблемам развития научного знания.

Первое направление делает попытку (и на наш взгляд успешную) создать новую теорию институтов, поскольку, как считают его представители, нельзя,

находясь в заданных жестких границах позитивного анализа, адекватно оценить во многом неизведанную институциональную среду, влияние которой стало в условиях глобализации явно доминирующей. Нуждается в пересмотре своих парадигмальных оснований и неоклассическая теория для решения фундаментальной проблемы, приобретшей за последнее десятилетие особую актуальность. Кратко ее можно сформулировать как проблему поиска направления (целеполагание), модели и стратегии социально-экономического развития. Дело в том, что контрапунктом неоклассики выступала в традиционно признанных институциональных условиях лишь проблема равновесия (частичного или полного), что далеко не адекватно таким понятиям, как "эволюция", "развитие", "институциональная стабильность и равновесие". Таким образом, первый удар неоклассикам был нанесен по равновесию, описанном моделью Вальраса–Эрроу–Дебре, теорией игр. Последняя, как известно, не является самостоятельным направлением в экономической теории и тем более институционализма, однако именно в теории игр (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Дж. Нэш) равновесие получает более широкую интерпретацию. Например, теорией игр делаются допущения, что равновесия может не существовать вообще (!?) или же одновременно может быть несколько его точек. При этом обнаруживается, что точки равновесия далеко не всегда соответствуют точкам оптимума по Парето.

Представители новой институциональной экономики также "расщепляют" своей плодотворной критикой фундаментальное понятие неоклассиков о рациональном и свободном выборе. Фиксируется внимание при этом не только на познавательных (cognitive) ограничениях индивидуума, обусловленных различными причинами, но и на немалые информационные издержки. "Разум, способность к обработке информации, — пишет Г. Саймон, — тоже являются редкими ресурсами" [12, с. 12]. Иначе говоря, если потребитель примет во внимание издержки на получение и обработку информации, то он уже стремится не к оптимальной, а удовлетворительной рациональности, т. е. заранее ограниченной информационными издержками.

Теорией новой институциональной экономики ставится под сомнение и известный тезис неоклассиков о стабильном, строго структурированном и эндогенном характере предпочтений потребителей. Если же в целом говорить о судьбе новой институциональной экономики, то это направление существенно продвинулось в "теории соглашений" (Л. Тевено, О. Фавро) и "теории регуляций" (Р. Буайе), "эволюционной теории" (Р. Нельсон, С. Винтер) и "институциональной компаративистики" (П. Грегори, Р. Стюарт, Я. Корнаи, Д. Коландер, А. Гручи). Можно выделить и другие частные теории нового институционального направления. Однако именно процесс самого развития этих теорий делает эту процедуру классификации явно затруднительной и несколько условной. Это в равной мере относится и к теории неоинституционализма, краткую характеристику которой мы сейчас и представим.

Принципиальное отличие неоинституциональной экономики (neoinstitutional economics) состоит в экономическом (неоклассическом) подходе к анализу институциональной среды, которая признается также важным фактором влияния на экономические процессы. Основателем неоинституциональной теории

экономики считают Р. Коуза, который в 1991 г. получил Нобелевскую премию за новаторские работы в области исследования трансакционных издержек и прав собственности, влияющих на институциональную структуру фирмы. Исследовательская программа Р. Коуза и других неинституционалистов предполагает при экономическом подходе к другим явлениям (институтам) изменения в "защитной оболочке" неоклассической теории. Прежде всего обращается внимание на более широкий спектр форм собственности и их всевозможных юридических проявлениях. Выделение объектно-субъектных элементов собственности дает основание на эффективное существование коллективной, государственной, акционерной форм собственности. При этом сравниваются их преимущества и недостатки при осуществлении сделок на рынке, а также в процессе организованного использования ресурсов непосредственно фирмой. "Теория прав собственности" (Р. Коуз, Р. Познер, С. Пезович, А. Оноре, Э. Остром), таким образом, соединяет экономику и право через "пучок прав" собственности, в которых как бы адекватно и получает реализацию последняя. Конкретным завершением сделки выступает договор или контракт, который становится объектом анализа в "теории оптимального контракта" (Дж. Стиглиц, Дж. Колеман, Й. Макнил).

Поскольку общепризнанным становится участие в той или иной форме в хозяйственной деятельности такого института, как государство, то в "теории общественного выбора" (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон) политикам имплантируется тот же экономический интерес, что и хозяйствующим агентам. Политика же представляется здесь как арена обмена на рынке.

Неинституционалисты очень основательно переосмыслили роль и значение информации в рыночной среде (Дж. Стиглер, К. Эрроу). Вводится понятие информационных издержек, т. е. издержек, связанных с поиском и получением информации о ситуации на рынке. Рациональный выбор индивидуума ставится в зависимость от располагаемой каждым в конкретный момент объемом информации. Кроме информационных издержек, сопутствующих всевозможным рыночным операциям, особое значение придается "трансакционным издержкам". Последние, по определению Р. Коуза, опосредуются всякого рода трансакциями, в результате чего происходит любое отчуждение и присвоение прав собственности, а также принятых в обществе свобод. Существенное дополнение в понимание рыночной реальности вносит неинституциональная "теория организации" (Р. Коуз, М. Аоки, О. Уильямсон) и экономической истории (Д. Норт). Значимость, например, исследований через призму трансакционных издержек и институционального подхода к различным областям общественной жизни подтверждается Нобелевской премией, которой были награждены в 1993 г. Д. Норт и Р. Фогель. Оформилось целое направление, названное "новой экономической историей". Нетрадиционный экономический подход к институту семьи Г. Беккера также отмечен этой высокой наградой. "Теория домохозяйств" может сильно повлиять не только на проводимую в западных государствах экономическую и социальную политику, но и на решение возникшей проблемы основ социального устройства постэкономической цивилизации.

Современный институционалист Ч. Кэпп пишет: "...Сейчас мы оказываемся свидетелями распространения неоклассической модели на такие сферы, как

анализ политического поведения, общественного выбора и вообще принятия решения. Хотя некоторые расценивают происходящее как движение в направлении междисциплинарности, оно несет в себе опасность новой подмены социального анализа неоклассицизмом. Обществоведам и особенно социологам еще не поздно занять критическую позицию в отношении этого варианта «аналитического» империализма" [13, с. 84].

Подводя итог лишь в вводному аспекту в область институционального анализа, отметим, что любая теория имеет смысл тогда, когда она открывает новые горизонты знания. Институциональный подход преодолевает сложившуюся за многие годы в экономической науке междисциплинарность, а следовательно, и фрагментарность, "дефект" знания. Влияние же сегодня разного рода институциональных ограничений на правильный выбор при принятии решения политика, менеджера фирмы, обычного хозяйствующего агента и потребителя огромный. Поэтому, думается, исследовательская программа теории институциональной экономики своим плодотворным развитием дает шанс на преодоление не только многочисленных частных, но и проблем, имеющих фундаментальное значение. Известный психолог К. Ю. Юнг писал: "...Если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента" [14, с. 58].

Некоторые аспекты трансформации собственности

Методологические подходы к анализу проблемы эффективности государственного сектора определяются рамками имеющихся в структуре экономической теории школ и направлений. Это, как известно, классическая политэкономия, марксизм, кейнсианство, неоклассический синтез, институционализм, маржинализм. Однако частные и более конкретные теории можно сгруппировать следующим образом:

1. Теория государственных услуг и общественного товара (Э. Линдаль, П. Самуэльсон, Дж. Стиглиц).
2. Теория общественного выбора и принятия политических решений (К. Виксель, Р. Познер, Р. Матрейв, Дж. Бьюкенен, М. Олсон).
3. Теория эффективного спроса и бюджетного регулирования (Дж. Кейнс).
4. Теория эффективного предложения и денежного регулирования (Г. Стайн, М. Фридмен).
5. Экономическая теория "прав собственности" (Р. Коуз, А. Оноре).
6. Теория политического влияния (Ж.-Ж. Роза).
7. Надстроечная теория экономической роли государства и теория дефицитной экономики (Я. Корнай).
8. Надстроечно-базисная теория экономической роли государства (А. И. Пашков, Н. А. Цаголов).
9. Теория оптимального функционирования экономики (В. С. Немчинов, Н. П. Федоренко, В. Н. Черковец).
10. Теория двухуровневого функционирования социалистической экономики (Н. А. Цаголов, В. Н. Черковец).

Перечисленные выше западные, а также отечественные и восточно-европейские теории, безусловно, с различной степенью полноты исследуют и решают проблему эффективности государственного сектора экономики. Но они, давая необходимый исходный материал, ориентируют на дальнейшую проработку этой проблемы. В Беларуси в силу ряда причин при анализе экономики республики почти не дифференцируется зависимость всех социально-экономических результатов от формы собственности. Почти ни в одном вузе республики не преподается, например, дисциплина "Экономика государственного (общественного) сектора". Иначе говоря, здесь "все кошки серы", а государство приобрело некую абсолютную магическую силу, способную "поддерживать" или не "поддерживать" эту экономику. Однако надо понимать, что формы государственной поддержки, ее активность, масштабность, направленность зависят как от сложившейся отраслевой и технической структуры экономики, от устоявшихся связей и отношений, так и от институтов политики и права. Маркс в "Нищете философии" писал: "...Во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требование экономических отношений" [15, т. 4, 65—185]. Таким образом, политическая институциональная инфраструктура может, с одной стороны, обеспечивать полную реализацию имеющегося в стране социально-экономического потенциала, а с другой — своим "государственным порядком" нарушать естественный ход "экономического порядка".

Экономическая история XX в. подтверждает, что нарушение интердепенденции (взаимосвязи) порядков (экономического, политического, социального, институционального) оправдано лишь в том случае, если сформированная (старая или новая) политическая инфраструктура институтов может в полной мере сконцентрировать усилия всей общественно-экономической и геополитической среды, обеспечив ей динамику, рост и развитие с минимальными расходами на содержание всех политических институтов. Речь в данном случае идет об опережающем экономическом росте, в процессе которого преодолевается длительная стагнация, характеризующаяся не только падением абсолютных и относительных показателей ВВП, что очевидно, но и развитием системного гистерезиса, т. е. разложением накопившегося потенциала страны, который для своего восстановления требует больших затрат, чем для элементарного поддержания [16].

Институт идеологии в экономике

Экономисты, которые в силу своего предмета и используемой методологии, казалось бы, обязаны были выразить свое отношение к идеологии, до последнего времени старались ее вообще игнорировать. Подчеркивалось, что не надо заниматься идеологией, а только экономикой. Некоторое исключение из общего ряда экономических работ составляют, например, теория общественного выбора, которую иногда называют "новой политической экономией" и неинституциональная теория экономики [17, с. 76].

Но если идеология пронизывает все сферы общественно-экономической деятельности человека, то очевидно, что и в процессе анализа этот компонент не

должен не только из него исключаться, но и прямо или косвенно имплантироваться в теорию. "Отношение между личностью и обществом, — пишет Дж. Бьюкенен, — в большей степени является основным вопросом политической философии, чем экономики. Но любой экономист, пытающийся пролить свет на эту взаимосвязь, неизбежно вторгается в пределы философии — глубочайшей области научного познания" [18, с. 18]. Конечно, все это не так просто, поскольку экономическая наука, во-первых, не имеет опыта и традиций инструментального анализа экономической системы в контексте ее идеологического выражения. Во-вторых, идеология в силу своей специфики сама по себе крайне сложно поддается формализации без существенных потерь своего содержания. Однако сложность такой процедуры не должно исключать идеологию из среды экономического поля в теории и практике.

Абсолютно неверно утверждение, что идеологии была подвержена только социалистическая (коммунистическая) система. Самая сверхлиберальная политико-экономическая система также пронизана общей идеей, как и ее противоположность, например, система жестко централизованного устройства. Наш тезис состоит в следующем: идеология — не какой-то инородный элемент экономики, от которого следует и можно избавиться. Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Более того, эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты. Как институт идеология не возникает на пустом месте. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту.

Идеология в явных и неявных формах выполняет следующие важные функции в экономической системе. Во-первых, она прежде всего в концентрированном виде формулирует общую стратегию развития той или иной экономической модели развития и функционирования. Во-вторых, идеология определяет общие контуры общественных норм взаимоотношений между людьми с учетом многослойности и различия интересов населения. Ф. Энгельс подчеркивал, что государство, основанное на "Общественном договоре" Ж. Ж. Русо, не могло стать ничем иным, как "идеализированным царством буржуазии", оно "...оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой" [15, т. 20, с. 17]. В-третьих, идеология служит объединяющей и цементирующей основой общества. "...Вера производит теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом" [19, с. 69]. Если же консолидирующей идеи нет, то возникает многочисленное количество партий и группировок, как, например, в абсолютном большинстве постсоциалистических государств. И в "чистую экономику" здесь никак не уйти, поскольку политические силы формируют или могут сформировать ту или иную институциональную внешнеэкономическую и макроэкономическую среду для соответствующей хозяйственной деятельности. В-четвертых, идеология выполняет важную коммуникативную функцию, позволяющую воспринимать и

настоящее и будущее на одном уровне представлений. В-пятых, сходство представлений об объекте предполагает некоторую универсальность и в поведении различных людей и их групп. Таким образом, господствующая идеология позволяет прогнозировать складывающуюся ситуацию и делать нормативные выводы. Ограниченная рациональность как идея, пронизывающая существующую экономическую теорию, по наблюдениям А. Е. Шаститко, приводит к "систематической слепоте" [20, с. 37].

.... Если взять, например, такие государства, как Беларусь, Россию, Украину и другие, которым до сих пор не удается выйти на эффективный путь развития, то одна из причин такого положения заключается в отсутствии адекватной и цельной идеологии в этих государствах. И дело не только в том, что не учитываются историко-культурные особенности этих стран. Проблема состоит еще и в том, что общая идеология складывающейся системы есть составляющая разных ее сторон и уровней, о которых известно общественному сознанию. И хотя, безусловно, должно быть их соответствие даже по закону гармонии, к которому стремится любая система, включая общественную, устроители новых государственных систем, к сожалению, этого не обеспечивают. Общая идеология разворачивается как бы в ряд частных, сохраняющих каждая по себе в той или иной форме основной, философский компонент общей национальной идеологии. В свою очередь, стержнем последней выступает политико-экономическая доктрина страны, разработка которой предполагает учет многих составляющих [21, с. 69—73]. Таким образом, молодые демократические государства натолкнулись в своих намерениях к лучшему на то, с чем начинали бороться, — с преодолением или уничтожением старой социалистической идеологии и образовавшимся вакуумом в области общей стратегии развития, которая фиксируется в ... этой же идеологии страны. Парадокс обнаруживается лишь в том, что разрушение прежнего института идеологии начиналось сверху, формально и весьма решительно. Достаточно же образованному обществу, выработавшему и впитавшему за десятилетия прежнюю систему ценностей, определявших нормы поведения людей, не было предложено *соответствующей* замены культурологических, экономических и других ценностей и ориентиров, позволивших бы этим людям реализовать свой профессиональный уровень и чувствовать себя лучше, комфортнее, защищеннее, материально обеспеченнее. В качестве альтернативы прежней идеологии была предложена достаточно абстрактная формулировка времен А. Смита, без учета национальных исторических традиций, развития, сложившихся культурных и экономических связей.

В структуре же идеологии различные компоненты имеют свой век существования. Не всегда свобода также выступала человеческой ценностью. "...Несвободные работники, — пишет Л. Мизес о периоде рабства, — привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло" [22, с. 27]. В период же становления рыночной экономики свобода выступила как одна из важнейших ценностей, подталкивающая к социальным превращениям и увеличению своего пространства. То же можно сказать о равенстве—неравенстве, о критерии социальной справедливости. Переход от зависимости к свободе может быть воспринят человеком не как благо. Неумение реально в жизни осуществлять свой

выбор, представленный свободой, приведет к росту издержек разного рода и к падению объемов производства.

Правильная оценка значения идеологии в системе общественных институтов позволяет осуществлять и лучший выбор в направлении инвестиционной политики. Например, общественный порядок можно достигать как через образование, так и с помощью правоохранительных органов. И то и другое требует каких-то затрат. Но лояльность населения к существующему общественному порядку, поддерживаемому с помощью правоохранительных органов, может уменьшиться даже при росте затрат на эти органы. И это будут чистые издержки общества. Затраты же на образование обеспечат не только общественный порядок, но и повысят трудовой потенциал страны, ее культуру. Может быть, это и не всегда так, но, по крайней мере, учет идеологии в таких расчетах, позволяет сделать оптимальный выбор проекта.

Надо отметить, что выработка новой идеологии, с которой можно было бы уверенно войти в XXI в., это не только проблема постсоциалистических государств. Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные "перегрузки", проявления которых крайне различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных "внешних эффектов" рынка, занимаются категорией транзакционных издержек как отражением одного из проявлений "перегрузок" этой общественно-экономической системы. Самый общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам. Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. "И рынки, и правительство, — пишет Дж. Бьюкенен, — терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения" [18, с. 430]. Идеология современной мир-экономики, безусловно, отличается по содержанию от национальных государств, скажем, в 30—40-е гг. XX столетия, когда преобладала континентально-страновая идеология. В целом же механизм "работы" идеологии в экономике чрезвычайно сложен и он зачастую невидим и поэтому игнорируется. Но можно однозначно сказать, что эпоха "чистого экономизма" со своими критериями эффективности и другими расчетами закончилась еще в начале 30-х гг. XX в. Плотность экономического поля, опосредованная углублением разделения труда, возникновением новых технологий, интенсивным освоением сокращающихся ресурсов, предельным уровнем использования трудового потенциала с его мотивацией, обусловила его столкновение с областью, или с полем, социально-культурных и нравственно-этических отношений. Так или иначе, однако вовсе не случайно Д. Норт в

качестве одного из ключевых направлений развития экономической теории выделил направление теории идеологии [23, с. 3—31].

Институциональная динамика или метатеория развития институтов

По сути, с изменения институтов начинается эволюционная динамика любой социально-экономической системы. Это с одной стороны. С другой — возникающие новые институты фиксируют с той или иной степенью полноты устойчивости и эффективности генерируемые эндогенно и экзогенно новые изменения. Однако экономическая литература, формирующаяся в традициях мэйнстрима, имеет существенный пробел по социально-экономическому развитию, где институтам принадлежит, если и не первоочередное, то уж по крайней мере решающее значение. Функциональный анализ, оформившийся в рамках категорий микро- и макроэкономики, институты принимает как некоторую данность. К чему это приводит, дает оценку Д. Норт, который пишет: "В то время как фундаментальные неоклассические предпосылки о редкости ресурсов и, следовательно, конкуренции были здравыми (с точки зрения основ анализа), предположение о беспрепятственном (frictionless) характере обмена завело экономическую историю в тупик" [10, с. 6]. Если говорить конкретней, то, например, анализ института собственности через призму сложившейся рациональности, обуславливающей поведение хозяйствующих агентов, позволяет видеть в ней лишь характеристики мелкой частной собственности, несмотря на весьма значимые произошедшие здесь изменения. Естественно, что и анализ организационных структур, в рамках которых возможна экономическая деятельность, будет иметь значимые погрешности с последующим ростом транзакционных издержек [24].

Институциональное направление современной экономической науки под влиянием практических обстоятельств постепенно преодолевает образовавшийся вакуум в теории. Под влиянием научного освоения проблем, свойственных для переходных экономик, где институциональные изменения определяют радикальность и масштабность преобразований, в последних началась корректировка проводимой экономической политики. Ее, на наш взгляд, можно охарактеризовать как переход от "шока" к рациональности, т. е. к разумной взвешенности в формировании национальной экономической политики.

Попробуем в замене одних институтов на другие определить некоторые закономерности. И здесь придется возразить уважаемому мэтру институционализма Д. Норту, который главным агентом институциональных изменений видит предпринимателя как лицо, принимающее решение [10]. Но, во-первых, доля предпринимателей в обществе вовсе невелика, чтобы они могли составить социокультурную и экономическую основу общества. Во-вторых, предприниматель принимает решения на основе получения и оценки информации по внешним и внутренним условиям своей фирмы. В-третьих, как следует из теории менеджмента, предприниматель, делающий свой бизнес в других странах, вынужден учитывать местный фактор и менталитет импортирующей капитал страны. Иногда столетий недостаточно, как свидетельствует история, чтобы вместе с капиталом импортировать и соответствующие институты. Опыт транзитивных экономик подтверждает неэффективность многих созданных в

Беларуси, России и других молодых демократических государствах формальных институтов, заимствованных из других стран. Однако их эффективное функционирование в других странах вовсе не обеспечило эффективности институтов в странах-импортерах. Скорее, наоборот, если обратиться к многим экономическим показателям: растут транзакционные издержки и практически не повышается резко снизившаяся с началом "перестройки" эффективность экономики.

Понятие "института" отражает слишком многогранный уровень отношений, чтобы сразу определить главного агента изменений одного института, не говоря уж о какой-то системной трансформации. Заслуга А. Смита состояла в том, что в новой зарождающейся на тот период системе он расставил по своим местам системообразующие институты: мораль, государство, класс предпринимателей, труда и отношения между ними. Рассуждения шотландского мудреца о производительном и непроизводительном труде, его определения стоимости хорошо иллюстрируют противоречиво наметившиеся общественные и экономические изменения. Сама классификация институтов (формальные и неформальные, системообразующие и производные, основные и второстепенные, экономические и политические, социальные и этнические, традиционные и искусственно формируемые, зарождающиеся и умирающие) позволяет заметить динамику их изменений, равно как и силы, генерирующие и осуществляющие эти изменения. Естественно, что скорость изменения разных институтов будет различная, так же как эффект (положительный или отрицательный) от "распада, разложения" старых и возникающих новых институтов. Уход в историческое прошлое СССР, например, побудил З. Бжезинского увидеть в этом "грозную катастрофу накануне XXI века", а Л. Туроу написать книгу о будущем капитализма в многополярном мире [25].

Чтобы заметить необходимость институциональных изменений, спрогнозировать их динамику, спланировать этапность и все необходимые мероприятия для практического осуществления этих перемен (реформ), необходимо как к каждому институту в отдельности, так и к их целостной системе подходить с четырехмерной позиции, например, X, Y, Z и t. Первая сторона системы координат (X) позволит построить набор предпочтений потребностей человека от простого утилитаризма до уровня социальных потребностей, одной из которых является потребность в самореализации способностей индивида (А. Маслоу). Вторая линия (Y) фиксирует набор неформальных общественных ценностей и ограничений, от обычаев и простых нравов до осознания научных и культурных ценностей. Линия Z отражает набор формальных правил, от простых (межличностных, групповых) до конституционных. В позиции t получает классификацию функциональный аспект институтов. Например, в СССР существовал Госплан, который вместе с Госснабом осуществлял сбор информации и распределение ресурсов для производства и соответствующего потребления. По сути, эти функции во многом должны осуществляться и в рыночной экономике. Однако выполняются уже совершенно иной институциональной инфраструктурой. Остается подсчитать затраты и эффект (с учетом транзакционных издержек) от одних и других видов институтов, выполняющих универсальные функции. Другим примером может

служить институт страхования, который принципиально отличается по организации и механизму осуществления в прежней экономике государственного типа и рыночной экономике.

Хотя сделать это и непросто, однако делать такие расчеты затрат и выгод на нововведение институтов все же необходимо [26, с. 10]. Одну такую общую версию (подход) расчета предлагает А. Шаститко, интерпретируя идею Дэвиса и Норта [20, с. 15]. Идея ее состоит в том, чтобы сравнить ожидаемые выгоды от введения нового института с затратами на эту процедуру. Общий вид формулы выглядит так:

$$\sum [B'_t / (1 + r)^t] > C_i + \sum [C'_t / (1 + r)^t],$$

где B'_t — ожидаемые выгоды в период времени t ; C_i — первичные издержки, необходимые для институционального нововведения; C'_t — вторичные или "операциональные" издержки институционального нововведения; $(1 + r)^t$ — норма дисконтирования для периода t . Рациональные игроки, если они таковыми являются, невзирая на морально-этические проблемы, всегда возникающие в оценке введения новых институтов, должны все же при выборе институтов отдать предпочтение ожидаемым выгодам. Эта идея (сравнение затрат и выгод) вполне может быть использована на уровне фирмы, которая заключает контракты. Сравнение в данном случае идет в направлении затрат на подготовку и заключения контракта и получаемого от его заключения дохода.

В результате установления новых правил и ограничений, кроме всего прочего, должна снижаться неопределенность и риск совершаемых операций и действий для всех участников сделки. Это достигается установлением порядка, который просчитывается каждым субъектом экономических отношений. Здесь принимаются в расчет и возможные санкции за нарушение вводимого нового порядка. Поэтому взвешивая все "за" и "против", участники институциональной сделки могут принять или же не принять новые правила поведения. Реальная практика формирования новых институтов состоит в том, что далеко не всегда эти новые правила распространяются на лиц, которые их планируют и вводят. Не совпадают также источники покрытия затрат на институциональные нововведения с инициаторами последних. Иначе говоря, новые правила, законы и пр. вводят одни, например, законодатели, которые получают за это деньги и другие льготы, а издержки несут совершенно другие лица. В результате такого "профессионального участия" многие новые институты оказываются нерабочими. Здесь сказывается элементарное "несцепление" вводимых новых формальных институтов с культурной средой той или иной страны. Таким образом, институциональная инновация, кроме того, что требует немалых затрат на ее введение, может создавать условия для роста производственных, транзакционных и социальных издержек на проведение различного рода сделок. Представляется, что устойчивая и глубокая депрессия в большинстве реформирующихся государств, является именно следствием вышеуказанного противоречия. Вводимая институциональная рыночная инфраструктура в этих странах "не вписывается" в их социокультурный контекст исторически сформированных традиций, норм и правил поведения. Скорость проведения реформ ("политика

шоковой терапии") заменяет элементарную рациональность и целесообразную эффективность в институциональных преобразованиях. Созданная квазирыночная институциональная инфраструктура создает условия лишь для небольшого количества лиц, извлекающих институциональную ренту, либо эти нововведения абсолютно гетерогенны для интересов и мотивов всего населения страны. Например, около 1/3 граждан Беларуси, имеющих право на получение приватизационных чеков, даже не сделали попытки их получить. Больше половины уже получивших не использовали их по назначению. Это свидетельствует о том, что политика в области изменения института собственности не адекватна сложившимся интересам населения республики. Экспертные оценки (40 % в России и 25 % в Беларуси) функционирующего нелегального сектора экономики также убедительно подтверждают сложившееся противоречие между вводимыми новыми институтами и социально-экономической средой.

Важно видеть то, что институциональная динамика относится не только к странам, осуществляющим системные рыночные реформы, но и к государствам, трансформирующимся из традиционного феодального состояния в капиталистическое рыночное, из индустриального (рыночного) в постиндустриальное (постэкономическое). "Ни одна страна до сих пор, — пишет Дж. К. Гэлбрейт, — не имела опыта навигации в таком марше, который проходят ныне страны недавнего социалистического лагеря... Даже если мерить масштабом предстоящих ста лет, этот великий период еще долго будет в центре экономического внимания" [27, с. 46]. Эти слова можно в полной мере применить и ко всем другим странам, которые пытаются не отстать в развитии и проводят институциональные изменения, которые в конечном счете предопределяют экономический и социальный успех в развитии того или иного государства. Как отмечает Нобелевский лауреат Л. Клейн, "рыночные экономики переживают собственный переходный период, но они изменяются менее активно, чем экономики, идущие от "плана к рынку" [28, с. 31]. Институциональная среда также конкурентна, хотя проявление ее механизмов очень специфическое и, естественно, более сложное для изучения. Ортодоксальная экономическая теория пока еще не создала соответствующего методологического и технического инструментария исследования этой сложной сферы человеческой деятельности и отношений. Даже на такой стадии процедуры, как принятие какого-то отдельного закона, весьма трудно распознать действительное стремление реализовать, например, государственный интерес от элементарного эгоистического частного интереса узкого круга лиц, лоббирующих нормативный документ. Но рано или поздно противоречие, опосредованное созданием неэффективного института, приобретает особую остроту и требует своего правильного решения. Поэтому прогнозирование, планирование и проектирование изменений институтов является важной теоретической и практической проблемой. Пока же вопросов в этой области больше, чем ответов. "Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений, — пишет Д. Норт, — что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения основных проблем обмена, порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих

направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен" [10, с. 10]. Давая некий ориентир для экономической науки, этот же автор в другом месте пишет, что разработка проблем взаимосвязи транзакционных издержек и роли государства в спецификации и охране прав собственности находится в начальной стадии, но, несомненно, является тем фокусом, на котором должны быть сосредоточены усилия экономистов [29, с. 255].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лемещенко П. С.* Теория и практика радикальной реформы // Политическая экономия. Мн., 1989. № 17; К вопросу о новой парадигме политической экономии. Мн., 1991; Национальная экономическая наука: от кризиса к рациональным практическим решениям // Управление капиталом. 1997. № 4; Белорусская экономическая наука в лабиринтах поиска // Гуманитарно-экон. вестн. 1997. № 2; Слагаемые экономического роста // Финансы. Учет. Аудит. 1997. № 2—4; Становление науки политэкономии: ретроспективный взгляд // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1999. № 1; Институт собственности и проблемы переходных экономик // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1998. № 3.
2. Более точно положение нашей страны отражается не категорией "кризис", а понятием "системный гистерезис", что означает отставание во времени в силу утраты из-за системных трансформаций научно-производственного и технико-экономического потенциала со всеми вытекающими последствиями.
3. *Норт Д.* Цит по: МЭ и МО. 1996. № 6.
4. *Блауг Д.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
5. *Hamilton U.* Institution // Enciclopedia of the social sciences. Vol. 8. N. Y., 1932. P. 84—89. Цит. по: Экономическая энциклопедия: Политическая экономия. В 4 т. М., 1975. Т. 2.
6. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М., 1995.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990; *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990; Преодоление времени: По материалам международной научной конференции / Под ред. Ю. М. Осипова, В. М. Кулькова, Е. С. Зотовой. М., 1998; *Зомбарт В.* Современный капитализм: В 3 т. Л., 1924—1929; Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю. М. Осипова. М., 1998.
8. *Скитовски Т.* Суверенитет и рациональность потребителя // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина. СПб., 1993; *Эрроу К.* Информация и экономическое поведение // Вопр. экономики. 1995. № 5; *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // Школьный экон. журн. 1997. № 8; *Шаститко А. Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998; *Олейник А.* Институциональные рамки анализа // Вопр. экономики. 1999. № 1—2; и др.
9. *Egertson T.* Institutions and economic behavior. Cambridge, 1990.
10. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. № 3.
11. *Олейник А.* Институциональная экономика // Вопр. экономики. 1999. № 1; *Ананьин О.* Исследовательская программа Т. Веблена: сто лет спустя // Вопр. экономики. 1999. № 11.
12. *Simon H.* Rationality as Process and as Product of Thought // American Economic Review. 1978. Vol. 68. № 2.
13. *Отмахов П. А.* Современная американская политэкономия. М., 1991.
14. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1881.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд. Т. 2, 3, 4, 20, 22, 24.
16. *Бузгалин А. В.* Стратегия опережающего развития // Свободная мысль. 1996. № 9; Экономическая теория переходных экономик / Под ред. В. В. Радаева, З. А. Гранберга. М., 1997.
17. *Journal of Political Economy.* 1985. № 1.

18. *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики. М., 1997.
19. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 2 т. М., 1994. Т. 1.
20. *Шаститко А.* Экономическая теория институтов. М., 1997.
21. *Лемещенко П.С.* Политико-экономические основания современной белорусской государственности // Идеология белорусской государственности. Мн., 1998.
22. *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции. М., 1995.
23. *Denzau A., Nort D.* Shared mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. Vol. 47. 1994.
24. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб, 1996.
25. *Бжезинский З.* // США: Экон. Полит. Идеол. 1994. № 4—5; *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.
26. *Davis L., North D.* Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge, 1971.
27. *Galbraith J. R.* Economic in the Century Ahead // *Economics Journal*. Vol. 101, Yanuary 1991.
28. Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.
29. *The New Institutional Economics / Eds. E. G. Furubotn, R. Richter.* College Station, 1991.

